

варианту балканской художественной культуры и письменной традиции — более архаическому, скромному, камерному, что предопределялось неустойчивостью придворной эстетической программы, отсутствием в Твери на протяжении XIV в. условий для ее оформления. Аскетический элемент сохраняет роль в оформлении последующих рукописей, так или иначе связанных с балканской монастырской традицией, отчетлив в рукописях, написанных на Афоне тверскими книжниками или приобретенных там для пересылки в Тверь. Местных писцов и декораторов минует увлечение роскошными формами и драгоценными материалами, в противоположность соседней Москве 10-х, а особенно 20-х годов XV в. и позднее, на которые приходится становление ее аристократического, придворного искусства. Тверичи верны изначальному типу украшений, сосредоточивая главное внимание на письме, поднимаясь в нем до высот профессионализма, виртуозности.

Из сказанного очевидна фундаментальность для культуры Твери на протяжении первой трети XV в. отправных импульсов, прослеживаемых именно в период Арсения и Киприана. Преобладание аскетической идеологии в духовной жизни Твери вскрывает существенность контактов епископа с митрополитом, а через Киприана — связей с монастырским миром Балкан.

Неблагоприятность политического развития после поражения 1375 г. может отчасти объяснить отсутствие кадров переписчиков и художников в период культурного оживления Твери на рубеже XIV—XV столетий. Отсюда — реальность приглашения митрополитских писцов. Во всяком случае, факт сотрудничества московской и тверской кафедр в области летописания и переписки книг несомненен. Это ставит предложенное выше отождествление почерка приписок Хроники с почерком Лествицы на твердую почву, и, с другой стороны, намечает путь для идентификации писцов Арсения и Киприана (а возможно, и Троицкого монастыря, учитывая роль Никона в завершении митрополитчей летописи) как представителей одного круга.²⁰

Сложность культурно-политической истории Твери делала закономерной идеализацию прошлого, внимание к памятникам местной древности. Одновременно или почти одновременно с Хроникой Амартола интерес привлекает другой прославленный местный кодекс — Мерило Праведное середины XIV в. (ГБЛ, ф. 304, № 15); здесь имеется несколько правок текста, а главное — приписок, датируемых по почерку около конца XIV или начала XV в.²¹ Как правило, подобный интерес принимал политическую окраску, был выразителем сепаратистских настроений. Заподозрить в подобных настроениях тверского епископа невозможно. Его поставление Киприаном допустимо рассматривать как попытку нейтрализации местных антимосковских сил. Тем самым работу над Хроникой Амар-

²⁰ Сходная ситуация, но по рукописям иного типа, с торжественным литургическим уставом, прослеживается во взаимоотношениях новгородских и митрополитских писцов на рубеже XIV—XV вв.; см. *Вадорнов Г. И.* Рукописи новгородского писца Федора (1400 г.). — «Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974». М., 1975, с. 262.

²¹ Кодекс впервые связан с Тверью Д. В. Айналовым; библиографию и дополнительные соображения о происхождении см. *Вадорнов Г. И.* Из истории искусства русской рукописной книги XIV века. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 164—167. Правка текста незначительна (лл. 63, 261 об.—262) и, возможно, частично определяется уничтожением имени владельца оригинала (Михаила Ярославича), ошибочно попавшего в позднейший список (ср. лл. 2, 5). В силу минимальности правок, локализация их временем основной части приписок гипотетична. Дата приписок, как кажется, особых сомнений не вызывает (см. лл. 17, 64, 68 об., 293 об.). Наиболее интересны вторая («Волостелю моему» — к тексту начальной части Наказания Симеона Тверского), благодаря которой обращение к рукописи связывается с княжеской средой, и четвертая («Ги помози рабу бгю К. . .»), неоконченная, сделанная почерком, близким приписке л. 79 об. Амартола. См. Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1961, с. 33, 129, 138, 588.